

Ирина Матлак

АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ИССУШЕНИЕ
АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ВОЗРОЖДЕНИЕ

ЛИСЫ ВЫБИРАЮТ СЛАДОСТИ

СУМЕРЕЧЬЕ. ДЕВЧОНКА ИЗ СЛЕЗНЫХ ТРУЩОБ

СУМЕРЕЧЬЕ. УНДИНА ОСОБЫХ КРОВЕЙ

СУМЕРЕЧЬЕ. ПРЕЕМНИЦА ТЕМНОГО МАГА

КРУГ ДВЕНАДЦАТИ ДУШ

ЖЕНА В ПРИДАЧУ, ИЛИ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ирина Матлак

Десятая жизнь

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
МЗЗ

Серия основана в 2011 году
Выпуск 528

Художник
Е. Никольская

Матлак И. А.

МЗЗ Десятая жизнь: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3057-4

Погибнув, я перенеслась в другой мир и узнала, что являюсь ликом — девушкой-кошкой, в запасе у которой девять жизней. Вот только это моя десятая жизнь, и о предыдущих я не помню ровным счетом ничего. Зато помнят жители городка, где я оказалась. Мне здесь не рады, а особенно не рад темный маг, у которого ко мне старые счеты. Он намерен их предъявить и сделать меня своим фамильяром?

Как бы не так! Я — кошка, а значит, гуляю сама по себе! Проявив кошачью хитрость, непременно обведу его вокруг пушистого хвоста. А еще обязательно выясню, почему живу в десятый раз и кто так сильно желает моей окончательной смерти.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3057-4

© Матлак И. А., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ГЛАВА 1

— Перед тем как официально заключить ваш брак, я хотела бы услышать, является ли ваше желание свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по собственному ли желанию и доброй воле вы вступаете в этот союз? Прошу ответить вас, жених.

— Да, — звучит мужской голос, в котором за показной сдержанностью кроется безысходность и тоска по привольной холостяцкой жизни.

— Прошу ответить вас, невеста.

— Да! — Женский голос, напротив, полон радости и довольства.

Щелк-щелк! — это я нажимаю на кнопку своего родного Сапога, запечатлевая рождение новой семьи.

— В соответствии с семейным кодексом Российской Федерации ваше взаимное согласие дает мне право зарегистрировать этот брак. Прошу скрепить подписями ваше желание стать супругами.

Щелк-щелк! — продолжают записываться на карту памяти кадры начала новой семейной жизни.

В отличие от гостей, разодетых согласно случаю, на мне кроссовки, простая футболка и не сковывающие движений джинсы, благодаря которым я могу спокойно принимать те позы, из которых получится снять наиболее выигрышный ракурс. Вот и сейчас, пока молодые подписываются под окончанием свободы, я извращаюсь как могу. Присела на корточки, чуть отклонилась в сторону, стараясь не задеть стоящего рядом ребенка, и честно отрабатываю свой гонорар. Это всего вторая по счету свадьба, которую мне доводится снимать, поэтому волнение зашкаливает. Точнее, зашкаливало — накануне вечером и этим утром. Сейчас осталось только желание сде-

лать свою работу хорошо, вернуться домой и засесть за обработку снимков.

Откровенно говоря, свадьбы я недолюбливаю. Даже популярное сейчас «лавстори» предпочла бы не снимать, если бы не постоянная нужда в деньгах. На одних творческих съемках, которые пока не только не приносят дохода, но еще и требуют некоторых вложений, далеко не уедешь.

Стоящая около меня девчужка, не стесняясь, зевает, пока идет обмен кольцами. Жених вспотел и выдавливает жалкую улыбку. Худошавая невеста смотрит на него типичным взглядом собственницы и окольцовывает с победоносным выражением лица. Мама невесты украдкой смахивает слезы. Папа тяжело вздыхает, сочувствующе глядя на теперь уже зятя.

Скукота.

Слава богу, на банкет сегодня ехать не нужно. После загса — недолгая фотопрогулка, и на этом все. Никогда не понимала, на кой ляд нужно кормить, поить и развлекать огромную толпу гостей, которые приходится молодоженам седьмой водой на киселе? После пары-другой бокалов чхать им и на жениха, и на невесту, и вообще на повод, по которому все, собственно, собрались.

Щелк! — еще один кадр в копилку.

Звучит музыка, и молодые начинают танцевать. Окончательно раскрасневшийся жених, цвет шеи которого уже равняется оттенку свеклы, двигается неуклюже и наступает невесте на ногу. Та мужественно терпит, продолжая счастливо улыбаться. Впрочем, не мне говорить о неуклюжести — тоже в настоящий момент грацией не блистаю. А ты попробуй не врезаться в людей, не мешать новоиспеченной семейной паре, одновременно делая фото двух движущихся объектов, да еще и выглядя при этом красиво!

— Родные и гости, прошу поздравить молодых! — через некоторое время звучат слова, ознаменовывающие начало следующего этапа моего испытания.

Нет, фотографировать я люблю. Более того — обожаю. Живу этим, можно сказать. Но только не в том случае, если процесс фотографирования превращается в рутину, какой для меня являются подобные коммерческие заказы.

Сфотографировав молодых со свидетелями, молодых с родителями, молодых с бабушками, племянниками, друзьями и далее по списку, я первой выскочила в коридор, набросила ос-

тавленную там черную кожанку и следующие кадры делала уже на улице. Жених, лицо и шея которого цветом теперь окончательно напоминали конкретный такой бурак, выносил невесту на руках. Далее — лепестки, голуби и прочие пошлости.

С фотопрогулкой стало повеселее. Погода в середине мая стояла теплая, неподалеку от загса располагался сквер, где цвели пышные кусты сирени — избитое место для таких фотосессий, но все оригинальные идеи невеста безапелляционно отклонила. Несмотря на это, моя творческая жилка, не убитая даже после оставленных позади четырех курсов экономического факультета, пробудилась. Несколько фоток вышли действительно классными, так что мое настроение стремительно поползло вверх.

Уже прощаясь, я заверила, что непременно пришло все фото в оговоренный срок, поздравила с бракосочетанием — каюсь, не от чистого сердца, сугубо из вежливости, — и потопала домой.

Погода, как назло, начала стремительно портиться, предвещая скорый дождь. Дождь я не любила почти так же, как водоемы, а водоемы — еще более сильно, чем свадьбы. Нет, полюбоваться на заводь реки я могла. И к морю, на котором никогда не бывала, наверняка не испытывала бы отвращения. Но только глядя на него с обласканного солнышком бережка и оставаясь сухой. Даже ванну не любила принимать, предпочитая исключительно душ — что, впрочем, не самая большая моя странность.

Дождь все-таки начался. Налетел ветер, крупные капли упали на асфальт, и направление моих мыслей резко сменилось. Теперь переживала не за собственные неудобства, а за фотоаппарат. Хоть его и защищал чехол, абсолютная водонепроницаемость в список характеристик этого самого чехла не входила.

Редкие капли превратились в полноценный ливень как раз в тот момент, когда я юркнула в ближайшую на пути кафешку. Малопривлекательное заведение делилось на две зоны, в одной из которых располагался небольшой продуктовый магазин, а в другой — собственно кафе, если расставленные пластиковые столы и стулья можно таковым назвать. За одним из столов расположились три мужика, почти дошедшие до кондиции «смотри, что умею — не, ты смотри, как надо!», сидящая

у кассы продавщица лениво копошилась в смартфоне. Больше посетителей не было.

Дождь набирал обороты, и только я мысленно посетовала на отсутствие зонтика, как желудок негромко заурчал, напоминая, что в последний раз его кормили ранним утром. Глянув на свободные столики, я непроизвольно скривилась, отметив следы от пролитых напитков и несметенные крошки. Затем посмотрела на витрину, где красовались сомнительной свежести беляши, сосиски в тесте и иже с ними, после чего остановила выбор на пачке вафель. К ним купила стаканчик кофе, который оказался растворимым. Будь у меня выбор, выпила бы латте — чтобы побольше молока, аппетитной пенки... мм, но пришлось довольствоваться тем, что есть.

— Да нет ничего после смерти! — как раз в тот момент, когда я расплачивалась, прозвучал позади меня запальчивый возглас. — Что ты мне втираешь!

— А я говорю — есть! — возразил второй мужик, для убедительности стукнув кулаком по хлипкому пластмассовому столику. Как тот выдержал, непонятно. — У меня вон дочка этим увлекается... как его... короче, всяким. Души-то перерождаются!

— Давайте лучше выпьем! — дружелюбно предложил третий, кого моментально и безоговорочно поддержали.

Пригубив обжигающее нечто, отдаленно напоминающее нормальный кофе, я мысленно хмыкнула. Вот и последняя ступень перед стадией «смотри, что могу!» — «слушай, что знаю!» называется.

К тому моменту, как дождь трансформировался в мелкую водную пыль, я успела опустошить половину стаканчика и съесть две вафли. Голод особо не утолила, но зато дома меня ждали остатки еще вчера заказанной пиццы. Мысли о тягучем теплом сыре и фотошопе, наедине с которым мне предстояло коротать вечер, подстегнули ускориться. Так и не допив кофе, я отправила его в мусорный бак, оставшиеся вафли засунула в свободный кармашек чехла и заспешила домой.

После дождя приятно пахло мокрым асфальтом, свежей зеленью и цветущими яблонями. Люди, как и я, потихоньку выбирались из своих укрытий и спешили по отложенным из-за ливня делам. Проходя мимо женщины, ведущей на поводке мелкую собачонку, я удостоилась заливистого лая. Даже не поморщилась, давно привыкла. Уж не знаю за что, но все пого-

ловно собаки меня терпеть не могут. Даже Сонькин йорк — мелкое недоразумение, по ошибке прозванное псом, и то каждый раз на меня тявкает, когда я прихожу к подруге в гости.

Красного человечка на светофоре сменил зеленый, и я шагнула на проезжую часть. Переходя улицу, привыкла смотреть по сторонам, даже если горел нужный свет, поэтому была уверена, что машин поблизости нет.

Тем неожиданнее стал внезапно раздавшийся гул. Резко повернув голову, я увидела на всех парах несущееся на меня черное авто. Не было ни скрипа тормозов, ни попытки увильнуть в сторону — водитель, лица которого я не успела рассмотреть, словно вообще меня не видел... Или намеренно решил прикончить.

Говорят, за секунду до смерти перед глазами проносится вся жизнь. Я же успела подумать лишь о том, что никакой пиццы с тягучим сыром не поем ни сегодня, ни вообще никогда. А фото со своей свадьбы Лиза и Матвей Терехины, сейчас празднующие бракосочетание в ресторане, так и не получают...

Было больно и темно. А еще — холодно. Я лежала на чем-то твердом и мокром, ощущая, как ноет каждая кость. В отличие от Соньки, которая училась на биологическом, я в анатомии сильна не была, но сейчас, кажется, могла пересчитать каждую кость и мышцу, вдобавок указав их точное местоположение.

Ну что ж так паршиво-то, а?..

— О, глянь! — внезапно раздался где-то поблизости мужской голос.

— Баба! — обрадованно подхватил другой и, словно не веря своему счастью, выдохнул: — Да еще и голая! А ладная какая!

Пока рядом шло обсуждение прелестей некой голой «бабы», я пыталась сделать три вещи: открыть глаза, пошевелиться и понять, что вообще происходит.

Воспоминания приходили медленно.

Свадьба, дождь, какая-то забегаловка, где я пила кофе... стоп! В той кафешке сидела троица подвыпивших мужиков. Может, это их разговор я сейчас слышу?

В это время выпивохи как раз обсуждали пятую точку той самой «бабы», которая успела переквалифицироваться в «девку», и намеревались ее обойти. Видимо, та особа находилась к ним спиной.

Сделав очередную попытку пошевелиться, я глухо застонала, ощущая, как к горлу подкатывает тошнота, но тело наконец отозвалось. С трудом разлепив глаза, увидела неясные очертания зеленой поляны, которая в настоящий момент ходила ходуном. Голова кружилась, и я снова на миг прикрыла глаза, а когда открыла, увидела прямо перед собой две пары сапог. Медленно подняла голову и наткнулась на две заросшие рожи.

— Э-э, а это у нее что? — совершенно неэтично тыкнув в мою сторону толстым указательным пальцем, хрипло спросила одна рожа, почему-то отступив на шаг назад.

Вторая округлила глаза, сглотнула, сотворила какой-то странный жест и тоже попятилась.

А потом лес озарил громогласный синхронный крик:

— Ликой!!!

И обе рожи ломанулись прочь с поляны, хрустя ветками и голоса что есть мочи.

От их воплей голова заболела еще сильнее, и я, присев, обхватила ее руками.

Ой, как скверно... так отвратно я себя не чувствовала даже после самых безбашенных вечеринок, которые с определенной периодичностью однокурсники устраивали в моей доставшейся от бабушки квартире.

Не знаю, сколько так просидела, но, когда головокружение, головная боль и тошнота немного отступили, открыла для себя один невероятный факт: голой бабой, о которой говорили мужики, была я.

И вот это как ничто другое способствовало мгновенному пересиливанию слабости и резкому подъему на ноги, от которого перед глазами зароились черные точки.

Какого...

Так, спокойно. Дышим, просто дышим. Вот так, размеренно и глубоко.

Только не паниковать!

Затолкав готовую разразиться истерику куда подальше, я попыталась восстановить в памяти цепочку последних событий. Что было после недопитого кофе? Просто шла домой, переходила улицу и...

Внезапное воспоминание о несущейся на меня машине заставило моментально похолодеть, — хотя мне и так было далеко не жарко, — и вызвало желание вновь осесть на землю.

Заставив дрожащие ноги слушаться, это желание тут же подавила.

У меня имелся всего один вариант того, что со мной произошло. Меня сбила машина, но вместо того, чтобы вызвать «скорую», водитель отвез меня в лес — не то бросил помирать, не то... нет, бред какой-то! Почему я раздета? Меня что, еще и изнасиловали?

Из последних сил стараясь не паниковать, я стала лихорадочно себя осматривать. Никаких ссадин на теле не было, что довольно странно при любых обстоятельствах — удар машины я помнила точно, как минимум синяки остаться должны были. Малейшие намеки на изнасилование отсутствовали тоже — я облегченно вздохнула. Уже хорошо. Единственные изъязы на коже — шрамы, но все хорошо знакомые, старые, присутствующие столько, сколько себя помню, оставшиеся с далекого детства.

Пока себя осматривала, что-то очень сильно меня настораживало, а вот что именно, никак не могла понять. Что-то помимо ситуации, в которой я оказалась. Самоощущение было таким, как будто...

Я провела рукой по пояснице, спустилась чуть ниже, и в следующий момент лес наполнил уже мой, полный ужаса крик.

На мне сидело что-то пушистое! Какой-то лесной звереныш вцепился в меня и не желал отпускать, как бы я ни прыгала и ни пыталась его стряхнуть!

Я вопила как ненормальная, пока не осознала один невероятный, немыслимый, попросту невозможный нюанс: то пушистое, что пыталась с себя стряхнуть, я... чувствовала. Чувствовала, как часть себя.

Перестав орать, пугая настоящую лесную живность, извернулась, посмотрела вниз через плечо и... лишь чудом подавила очередной готовый вырваться крик. Мою пятую точку украшал длинный и черный, в меру пушистый хвост.

Хвост, черт возьми! У меня хвост!!!

Я таки заорала и попробовала его отодрать, понадеявшись, что это какой-то нелепый розыгрыш, но «отклеиваться» хвост не пожелал. Более того, стоило за него дернуть, как позвоночник отозвался болью. Вот тут я не просто заорала, а буквально взвыла!

Примерно через минуту меня ожидало еще одно открытие. В комплект к хвосту мне достались уши, на ощупь напоминающие кошачьи. Наверное, тоже черные, сливающиеся с моими от природы черными волосами.

От такого сюрреализма впервые в жизни захотелось рухнуть в полноценный обморок. Хотя, учитывая мое недавнее пребывание в темноте, — наверное, во второй.

Итак, в настоящий момент я была твердо уверена лишь в трех вещах.

Я в лесу.

Я полностью раздета.

У меня предположительно кошачьи уши и хвост.

Может, это сон?

Нет, судя по испытанной боли, сном это не было. Но чем бы ни являлся этот кошмар на самом деле, оставаться посреди неизвестного леса в таком виде точно не стоило. Вдобавок ко всему я замерзла.

Кажется, сейчас стояло раннее утро. Небо еще оставалось розоватым, и сквозь влажные от прошедшего дождя кроны пробивались первые солнечные лучи. Примятая трава тоже была мокрой от того же дождя. Остро пахло можжевельником и мокрым деревом и еще чем-то солоноватым, чуть рыбным. Запах рыбы заставил почувствовать зверский голод.

Организм, ты это серьезно? В такой ситуации тебе лишь бы погреться?!

Желудок ответил ворчливым бурчанием.

Интересно, разговор с собственным желудком можно отнести к признакам зарождающейся шизофрении?

Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, я побрела в ту сторону, куда недавно улепетывали увидевшие меня мужики. Теперь я их в полной мере понимала — сама бы еще не тот крик подняла, если бы такое увидела!

Надеялась, что они не ломанулись в лес наобум и я скоро выйду на какую-никакую дорогу. Больше всего сейчас волновало (не считая, разумеется, ушей и хвоста) отсутствие одежды. Где ее взять, не имела ни малейшего представления, но надеялась на удачу, которая не изменяла мне вплоть до вчерашнего дня.

Через некоторое время я и впрямь вышла на пролегающую сквозь лес дорогу. Сперва замерла, не зная, какое выбрать направление, а затем заметила на ней свежие, не размытые дож-

дем следы. Теперь, понадеявшись, что те мужики не лесники и не охотники, решившие забраться поглубже в лес, пошла по их следам.

Более странно, неловко и вообще кошмарно в жизни себя не чувствовала!

В жизни...

Следующая догадка заставила меня замереть.

Машина, удар, боль. А что, если... я на самом деле умерла? В моем представлении ад и рай были совсем не такими, хотя вообще-то о загробной жизни я никогда особо не задумывалась. И хотя я очнулась в костюме Евы, ошивающиеся рядом мужики выглядели как самые обычные живые люди... и все же...

«Души-то перерождаются!» — прозвучала в мыслях фраза, невзначай брошенная посетителем кафе.

Стало совсем нехорошо.

Я бы могла хоть как-то объяснить свое местонахождение и отсутствие одежды, но вот наличие злосчастного хвоста и ушей никак не вписывалось в рамки нормальности! Не проводили же в самом деле надо мной опыты, пока я была в отключке?

Решив, что эти вопросы можно отложить до того времени, когда обзаведусь одеждой и поем, я зашагала дальше. Меня все еще одолевала слабость, поэтому двигалась не так быстро, как хотелось, и периодически останавливалась, чтобы передохнуть. Еще очень надеялась, что здесь нет волков и почувствовать себя в роли Красной Шапочки мне не придется... хотя какая уж там Красная Шапочка? Скорее, Голая Хвостатая.

Пока шла, обнаружила еще один интересный момент. Конечно, после кошачьих аксессуаров он не шокировал, но все-таки немало удивил. Мои стриженные чуть ниже плеч волосы сейчас опускались до самого пояса, что добавило дополнительных вопросов в копилку уже имеющихся.

К тому моменту, как лес начал редеть и светлеть, намекая, что скоро кончится, я решила относиться ко всему происходящему философски. Да, голая. Да, с меховыми ушами и хвостом. Но ведь, по всем признакам, живая! А это самое главное.

Еще до того, как лес закончился, слух уловил какой-то странный и как будто знакомый шум. Мозг еще не успел его идентифицировать, а нюх безошибочно уловил усилившийся аромат соли и рыбы.

Выйдя из леса, я оказалась на возвышенности, поросшей короткой зеленой травой и мелкими бледно-голубыми цветами. Уже не думая о том, что меня могут увидеть в неприглядном виде, я сделала еще несколько шагов вперед и застыла. Ветер подхватил мои волосы, развеял, коснулся прохладой обнаженной кожи и дыхнул в лицо той самой свежей солью.

Где-то кричали чайки. Передо мной во всей красе простиралось синее море.

ГЛАВА 2

Откровенно говоря, недостатков у меня порядочно, но вот чего никогда за собой не замечала, так это склонности к воровству. Даже однажды найденный кошелек я вернула законному владельцу, выйдя на него по обнаруженной в карманчике банковской карте.

Но когда встал выбор между кражей одежды и разгуливанием нагишом, я, подавив угрызения совести, выбрала первое.

Со склона к пляжу спускалась узкая тропа, пройдя по которой я обнаружила стоящий неподалеку дом. Точнее, неприглядного вида хижину, скорее всего, рыбацкую. На натянутых веревках сушились светлая рубашка и безразмерные штаны, которые я и собиралась стырить.

«Позаимствовать ввиду острой необходимости», — мысленно поправила я себя.

Укрытия здесь не было никакого, так что, выгляни обладатель одежды в окно или выйди из хижины, он бы тут же меня заметил. На мое счастье, ранним утром берег был пустынным и до сих пор мне никто не встретился.

Подкравшись поближе, я осмотрелась по сторонам, дала себе пару секунд на то, чтобы передумать, благоразумно ими не воспользовалась и, подбежав к веревкам, сдернула с них одежду. На этом мое везение закончилось, потому что неподалеку внезапно раздался громкий смех. Кто-то шел к пляжу, а единственная ведущая сюда цивилизная дорога пролегла как раз мимо хижины, у которой в данный момент орудовала одна новоиспеченная хвостатая преступница.

На ходу накидывая рубашку и пытаясь попасть пуговицами в петельки, я забежала за хижину, пригнулась и замерла.

Даже дышать старалась через раз, слишком уж шумным было сбившееся от бега и от страха дыхание.

Вскоре нарушители моего уединения действительно прошли мимо хижины. Это была парочка угловатых подростков — парень лет пятнадцати обнимал за талию и прижимал к себе свою невысокую спутницу, что-то ей рассказывая, а та в ответ хихикала. Длинное светлое платье, надетое на девочке, тут же стало предметом моей зависти. Внезапно пришедшее понимание, что с моим хвостом надеть штаны будет проблематично, оптимизма не прибавило.

Когда парочка приблизилась к морю, я негромко выдохнула и тихонько продолжила свое неоконченное занятие — застегивание пуговиц. Рубашка доставала мне практически до колен, так что ее вполне можно было считать если не импровизированным платьем, то импровизированной туникой. Вот только она была настолько застиранной, что в некоторых местах откровенно просвечивала, а надела я ее на голое тело. М-да. Похоже, все-таки придется как-то влезать в штаны.

Спустя несколько минут, наполненных едва сдерживаемыми ругательствами, мне это удалось. Штаны действительно оказались очень широкими, висели на мне как на вешалке, и хвост с горем пополам в них уместился. Пришлось осторожно обернуть его вокруг пояса, а затем поплотнее затянуть веревку, заменяющую в штанах ремень. Было немного дискомфорта, но все лучше, чем ходить голышом.

За время, что я здесь стояла, из дома не доносилось ни звука. Это натолкнуло на одно интересное предположение, которое незамедлительно решила проверить. Крадучись, я подошла к ближайшему окну и осторожно, с долей опасения в него заглянула. Комната в хижине имела всего одна. Здесь стояла односпальная кровать, на которой сгрудилась куча одеял, в углу примостилась маленькая печь, вдоль стены тянулся склад всякой рухляди. Какие-то ящики, рыболовные снасти, наполненные и пустые мешки и еще всякий не поддающийся сортировке хлам.

А хозяин всего этого богатства, похоже, сейчас отсутствовал.

Взгляд зацепился за висящее у кровати поясное зеркало и, немного поколебавшись, я решила войти. Замок отсутствовал, дверь закрывалась на крючок, так что мое проникновение вряд ли можно было назвать вторжением в частную собствен-

ность. Когда приход чужаков нежелателен, эту самую собственность запирают получше.

Убедившись, что подростки слишком заняты неумелым поцелуем, чтобы меня заметить, я юркнула в хижину. Благодаря одежде, пусть и с чужого плеча, чувствовала себя немного увереннее. Но перед тем, как посмотреться в зеркало, все равно глубоко вдохнула и сделала себе строгое внушение: что бы там ни увидела, не орать. Ни в коем случае не орать! Даже если окажется, что в дополнение к ушам обзавелась оленьими рогами с висящими на них колокольчиками.

Наспех стерев с зеркала плотный слой пыли, я решительно посмотрела на свое отражение и едва не осела на пол. От смеси ужаса и облегчения. Ужаса — потому что на моей голове действительно торчали черные меховые уши, облегчения — поскольку рогов к ним все-таки не прибавилось. То обстоятельство, что моя внешность осталась прежней, тоже порадовало. Треугольная форма лица, заостренный подбородок, четкие скулы, аккуратный нос, небольшие, но выразительные губы — все было мне знакомо. На внешность я никогда не жаловалась, так что было бы обидно ее потерять. Даже гетерохромия осталась, которая одно время порождала во мне комплексы, а потом я стала относиться к ней исключительно как к изюминке. Один глаз зеленый, другой — светло-карий, почти желтый. В сочетании с меховыми ушами смотрелось нереально. Нереально странно, если быть точнее.

Разгуливать с такими «украшениями» было далеко не лучшей идеей. Конечно, кто-то мог их принять за шуточный аксессуар, но привлекать к себе лишнее внимание не хотелось. Быстрый обыск дома увенчался трофеем в виде старого цветастого платка. Сколько его не стирали — и сказать страшно, но пришлось заглушить в себе брезгливость и соорудить на голове нечто вроде банданы. Смотрелось нелепо, но сейчас на собственный вид было начхать. Ушей не видно — и на том спасибо.

Дольше здесь задерживаться смысла не было, и я покинула ограбленный дом, как и положено всякому уважающему себя вору, — так же осторожно и крадучись, как в него проникла.

Совесть еще немного кусалась, но я упорно от нее отмахивалась. Чьи бы вещи я ни укра... позаимствовала, вряд ли он обеднеет. Не деньги ведь забрала, в конце концов!

Выйдя на дорогу, я на миг остановилась и посмотрела на море. Забавно. Только недавно о нем вспоминала, думая, что ни разу не видела «большой воды»... А оно и правда красивое. Кажется бескрайним и такое синее-синее, с белыми гребешками лижущих песок волн. Чуть дальше, на нависающей над ним скалой виднеется силуэт особняка — темного, в несколько этажей, словно сошедшего со страниц какого-нибудь исторического романа. Поразительный контраст с покосившейся хижинкой.

Пейзаж — загляденье. Только взять фотоаппарат и сфотографировать...

Мысли о фотоаппарате заставили снова поникнуть. Так жалко, словами не передать! Я же столько на него копила, объектив вот недавно новенький купила, пылинки с него сдувала... и где-то он теперь?

Следом за печалью пришла решимость и злость. Меня сбили, обобрали и раздели! Вот только доберусь до того, кто за рулем тачки сидел! А если меня еще и убили — с того... в смысле с этого света достану, вот!

Злость придала сил, и я быстро зашагала по ведущей от пляжа дороге. Лес, где я очнулась, остался слева, далеко за ним виднелись горы, тянущиеся на много миль вперед. Сначала дорога вела через непаханое поле, заросшее высокой травой, затем на пути стали встречаться домишки. Выглядели они лучше, чем лачуга у моря, но проще особняка — в целом обычные такие деревенские дома.

По ощущениям, прошло примерно минут пятнадцать перед тем, как пейзаж стал меняться. Грунтовая дорога как-то незаметно превратилась в мощенную серым камнем, небольшие хижины сменились на полноценные двух- и трехэтажные дома, покрытые аккуратными черепичными крышами.

Незаметно для самой себя я оказалась в городе. Вместо асфальта дороги здесь были выложены все тем же серым булыжником, бетонных многоэтажек в поле зрения до сих пор не появлялось. Зато через некоторое время стали встречаться пока еще закрытые магазинчики, парикмахерские, которые, видимо, антуража ради здесь называли «цирюльнями». Проходя мимо здания, из трубы которого валил дым, я обнаружила, что это общественная купальня. Да, так и написано — купальня, не баня.

Пройдя еще немного вперед, я застыла. Буквально встала как вкопанная, привлеченная умопомрачительным, крышесносным, невероятно притягательным запахом.

Пахло едой!

Заметив расположившуюся на другой стороне улицы пекарню, я потянула носом и судорожно сглотнула. Противиться возникшему желанию не было никаких сил, и я уже начала переходить дорогу, когда в ногу впился острый камешек. Зашипев, я приподняла ее, посмотрела на пораненную грязную пятку и медленно опустила обратно.

Нет. В таком виде меня и на порог приличного заведения не пустят!

Босая, в непонятном тряпье, с намотанным на голове платком, я сейчас выглядела как самый настоящий бомж! Причем не только выглядела, но и была. Ночевать мне негде, денег у меня нет, куда податься — неизвестно.

Подавляя позывы изголодавшегося молодого организма и не обращая внимания на настойчивые мысли о теплом молоке и свежей выпечке, я отошла в тень ближайшего здания. Как раз вовремя — мимо протрусила лошадь, везущая крытую повозку. Кучер — мужичок лет за пятьдесят — меня не заметил.

Я тихо фыркнула. Все-таки круто они здесь все стилизовали — вон, даже повозки ездят. В курортных городках я никогда прежде не бывала, но слышала, что всякого рода необычный транспорт там можно встретить довольно часто.

Пока я стояла, прячась в тени неопознанного здания, у меня была прекрасная возможность рассмотреть горожан. Прохожих на улицах все еще было немного и, надо признать, их внешний вид меня тоже удивил. На женщинах — никаких джинсов, никаких маек, ни даже коротких юбок и штанов! Только длинные платья. Если юбки — тоже длинные. Штаны заметила только на одной девчонке, но ей по виду было не больше десяти.

В общем-то, местная мода или ее отсутствие волновали меня не слишком. Актуальным по-прежнему оставался извечный вопрос: как быть? Во-первых, мне нужно поесть. Во-вторых, обзавестись приличной одеждой и обувью. В-третьих, выяснить, где нахожусь, и найти деньги на возвращение домой. Все эти пункты привели меня к простому и понятному выводу: необходимо срочно идти в полицию. Или в посольство, если я каким-то образом умудрилась попасть из России в другую

страну. Хотя, судя по языку, на котором изъяснялись мужики из леса, вряд ли я покинула родину...

Первой, к кому я подошла с вопросом «как пройти в ближайшее отделение полиции», была идущая мимо женщина. В ответ она недоуменно округлила глаза и не проронила ни слова. Когда я на всякий случай повторила вопрос на английском, который знала не отлично, но вполне сносно, направленные на меня глаза округлились еще больше.

— Вы меня понимаете? — без особой надежды на успех задала я следующий вопрос. — Видите ли, на меня напали. Украли одежду и сумку, где находился мобильный телефон...

Я не договорила, поскольку женщина, не проявив никакого участия, обогнула меня по кривой дуге и заспешила прочь.

Тьфу! Ну что за люди такие бессердечные пошли? И это я еще уши с хвостом спрятала!

Второй жертвой моих вопросов стала милая бабуля. Этакая типичная бабушка: в длинном платье в мелкий цветочек, с накинута поверх него шалью и седыми волосами, стянутыми в тугой узел.

На этот раз я не прогадала и наконец услышала нормальную человеческую речь.

— Внученька, у тебя случилось что? — поинтересовалась она, участливо посмотрев на меня снизу вверх.

— Обокрали вот, — почти не соврала я, хотя и сама была одета в позаимствованные вещи. — Даже мобильника нет, чтобы позвонить...

Услышав последнюю фразу, старушка округлила глаза точно так же, как предыдущий объект моих расспросов.

— Чего-чего нет? — уточнила она.

— Мобильника, — повторила я. — Может, у вас найдется, откуда позвонить? Если нет, то хотя бы просто подскажите, как пройти до полицейского отделения.

Луп-луп! — недоуменно поморгала бабуля.

Может, глуховата?

— Ты давай-ка ко мне на чай заходи, — неожиданно предложила эта во всех отношениях прекрасная женщина, которую я в тот момент полюбила искренне и всей душой. — Я тут недалеко живу. Отдохнешь, в себя придешь. А потом мы с тобой в управление сходим. Мне как раз туда нужно.

Вот! Вот так бы сразу! Поесть — потом в городское управление. Как же мне повезло!

Наличие ушей и хвоста отошло на второй план, уступив место ожидающим меня маленьким радостям. Идя к бабуле домой, я уже чувствовала на языке вкус чая, к которому, надеюсь, мне предложат что-нибудь вкусенькое... Да, нагло. Но когда терзает настоящий голод, о приличиях как-то не думается. Такое чувство, что у меня несколько дней и крошки во рту не было!

— Меня госпожой Еришей звать, — по пути сообщила моя неожиданная благодетельница.

— Маргарита, — в ответ представилась я и тут же уточнила: — Можно просто Рита.

Дом, где жила бабуля, оказался одноэтажным и симпатичным, сложенным из светлого камня. За крашеным деревянным забором стелилась узкая садовая тропинка, ведущая к старенькому крыльцу, небольшой сад выглядел довольно ухоженным. На грядках уже взошла пряная зелень и торчали хвостики молодой редиски. С голода даже их готова была откопать и слопать, хотя редис с детства терпеть не могу!

Перед тем как войти в дом, я внезапно ощутила на ногах что-то липкое и как будто неприятно прохладное. Подумав, что зацепилась за паутину, на миг затормозила, посмотрела вниз, но ничего не увидела. Ощущение было мимолетным, и я тут же о нем забыла.

Меня проводили в уютную кухоньку, где пахло ромашкой и еще какими-то травами. Усадили за покрытый накрахмаленной скатеркой стол и поставили кипятиться чайник. Вернее, подвесили. Плиты здесь не наблюдалось, и ее заменял очаг, над которым и примостили начищенную до блеска посудину.

Пока я, сидя на стуле, осматривалась, госпожа Ериша достала из шкафчика пару чашек, вазочку с вареньем и водрузила их на стол. А пока я гипнотизировала взглядом варенье, передо мной опустился еще и пирог.

Я уже говорила, что обожаю эту милейшую пожилую женщину?

О, великие боги кулинарии, дайте этой бабуле вечного здоровья и всегда наполненный продуктами холодильник — пирог был мясным! С такой аппетитной корочкой, косичкой теста по краям и проглядывающим в центре куриным фаршем. Что это именно курица, я определила по запаху. Видать, у меня еще и нюх обострился в дополнение к ушам и хвосту.

— Кушай, деточка, — завершив угощение вазочкой конфет, любезно предложила лучшая из живущих в мире женщин.

Изо всех сил сдерживаясь от того, чтобы не наброситься на пирог аки варвар, я положила себе кусочек и... нет, с таким аппетитом я еще не ела! Даже любимая сырная пицца не приносила такого невероятного удовольствия, от которого я едва не мурчала и не закатывала глаза.

Пока бабуля снимала чайник, я стянула еще пару кусочков пирога, которые только раздражили аппетит. Даже удивительно. Я, конечно, всегда любила поесть и особо себе ни в чем не отказывала, но сейчас голод был буквально зверским!

Совсем ты, Ритка, одичала... не только снаружи, но и внутри.

Чай мне подали с молоком. Можно я ее все-таки расцелую?

Сделав несколько согревающих глотков, я едва не растеклась по стулу лужицей. Мимолетно заметила, что бабуля снова поднялась и принялась рыться в шкафчике. Затем вернулась за стол, держа в руках маленький холщовый мешочек.

— Так тебя обокрали, говоришь? — развязывая его, поинтересовалась госпожа Ериша.

— Угу, — кивнула я и, немного подумав, честно призналась: — Меня машина сбила, а очнулась я в лесу и без вещей. Подскажите, пожалуйста, где я оказалась? Что это за город?

— Так в Морегорье ты. — Узловатые пальцы справились с веревочкой. — Провинциальный городок у нас, небольшой, всего в девять тысяч душ.

Я на миг задумалась, пытаюсь припомнить, не слышала ли это название раньше. Вердикт — нет, абсолютно точно не слышала.

— А какой стране принадлежит? — спросила, невольно напрыгшись.

Бабуля как-то странно улыбнулась и ответила:

— В Истарское королевство вот уже полтора века как входим.

На этот раз даже память напрягать не потребовалось. Ни о каком подобном королевстве я слыхом не слыхивала и всерьез сомневалась, что такое вообще существует.

Только открыла рот, намереваясь уточнить, где оно располагается и почему здесь говорят по-русски, как меня внезапно будто по голове стукнули.

Запахом.

Мятно-лимонный, с легким намеком на горчинку, он исходил из того самого открытого мешочка, в котором виднелись засушенные листья какого-то растения. Перед глазами в один миг заплясали радужные блики, тело как-то само по себе ослабилось, и я отстраненно подумала, что на моем лице расплывается рассеянная улыбка.

Так хорошо стало...

— Не ошиблась, значит, — словно издалека донесся до меня голос госпожи Ериши. — Ну вот и ладненько. Вот и отлично. Давай-ка мы сейчас твою силу в накопители соберем, а то совсем они у меня поистратились...

Пребывая в состоянии между сном и опьянением, я смотрела, как ко мне подносят какую-то штуковину — металлическую, похожую на коробок. Но даже в этой прострации я обратила внимание на переменившуюся бабулю... впрочем, назвать ее ласковым словом «бабуля» теперь не поворачивался язык. Божий одуванчик куда-то исчез, и вместо нее на меня цепким взглядом смотрела хитрющая такая бабка, явно задумавшая какую-то пакость. Разум застлало марево, но интуиция буквально вопила, что я нехило так попала. По полной попала, откровенно говоря!

— А будешь хорошей кисой, я тебе еще кошачьей мяты дам, — произнесла эта... карга.

А казалась такой милой старушкой! Протухшей рыбы ей на голову, а не полный холодильник продуктов!

Дурман частично рассеялся с той же быстротой, с какой накатил. Сознание несколько прояснилось, и теперь я отчетливо поняла, что... что совершенно ничего не понимаю!

Это вообще что такое сейчас происходит?!

Чувствовала я себя донельзя беспомощной, не в силах пошевелиться и хоть что-то сказать. А сказать хотелось много... так много и выразительно, что ни одна цензура бы не пропустила!

— Ух, а и сильная ты! — Смотрящие на меня глаза возбужденно, практически фанатично заблестели. — Вроде же не помнишь ничего, и сила после запечатывания должна быть не та...

Да она чокнутая! Маньячка! Сунула мне под нос какую-то дрянь... кажется, упомянула кошачью мяту? Ну что за наказание! Я теперь и на валерьянку так же реагировать буду?

Я бы даже посмеялась над тем, что все происходящее уже напоминает не просто сюрреалистический сон, а настоящий

театр абсурда, если бы главная роль не досталась мне самой. Не знаю, чего старая карга хотела добиться, суя мне под нос металлический спичечный коробок, но мое самочувствие ухудшилось. Накатило легкое головокружение, к горлу подступила тошнота, а внутри все словно льдом покрываться начало — цепким и колючим.

Старушка чуть ли не пританцовывала на месте и выглядела как человек, который вот-вот сорвет крупный куш. Я сделала еще одну тщетную попытку пошевелиться, мысленно успела в очередной раз проклясть этот сумасшедший день, как вдруг раздался грохот. Кажется, кто-то выломал дверь. В прихожей раздались громкие шаги, и через несколько мгновений в комнату вошли трое мужчин, одетых в темно-серую форму.

— Ну что, ведьма, попалась наконец? — усмехнулся тот, на груди которого красовалась крупная нашивка в виде дважды перечеркнутого, заключенного в квадрат круга.

ГЛАВА 3

По госпоже Ерише явно плакал факультет актерского мастерства, поскольку она снова стала той самой милой бабулей, к которой я обратилась на улице. Подняла на него невинные глаза, сделала бровки домиком и беспомощно поморгала.

Не убедись я на собственном примере, что это выражение лица — лишь маска, прослезилась бы!

— О чем вы, господин старший зерр? — непонимающе переспросила госпожа Ериша и, обедев рукой стол, как ни в чем не бывало заявила: — Мы вот с моей гостьей чаевничаем.

— Чаевничаете, значит? — Мужчина дал знак своим сопровождающим, и те обступили ее с двух сторон. — А это что такое, не желаете пояснить?

Подцепив двумя пальцами тот самый металлический коробок, он демонстративно им потряс.

— Так жестяночка обыкновенная. — Хозяйка дома снова блестяще изобразила невинную овечку. — Травки там всякие храню...

— Знаю я ваши травки, — поморщился мужчина. — Так. Ребята, эту пакуем до выяснения обстоятельств. А эту...

Его взгляд остановился на мне, откровенно обалдевающей от всего происходящего. Примерно в этот же момент я внезап-

но осознала, что сжимающий внутренности холод исчез, и более того, я могу шевелиться.

Наличие дара речи проверить не успела, так как меня опередил все тот же неведомой профессии мужик.

— Кто, откуда, регистрационный номер? — перечислил он, глядя на меня в упор. — Если с документами все в порядке, пойдешь как пострадавшая и свидетельница. Хотя... — В его наглых, осматривающих меня глазах появилось сомнение. — Судя по виду, легальным использованием магии здесь и не пахнет...

Дар речи я все-таки проверила, поскольку наконец взяла себя в руки и до поры до времени принципиально решила не обращать внимания на все странности. Сейчас главное — прояснить основные волнующие меня вопросы.

Поднявшись с места и ощутив при этом, как затекли ноги, спросила:

— Я так понимаю, вы представители местной власти?

Взгляд того, к кому я обращалась, стал уж совсем недоверчиво-подозрительным.

Не дожидаясь ответа, продолжила:

— Понятия не имею, что тут сейчас произошло, но вы в любом случае должны мне помочь. Этим утром я очнулась в лесу, как там оказалась — не знаю. И меня обокрали.

Подробности решила опустить и не озвучивать до того времени, пока не окажусь в полицейском — или каком тут у них? — участке. Попутно невольно отметила, что этот... господин старший зерр, как назвала его бабуля-карга, мужик видный. Бессовестно хорош, по правде говоря. Высокий, подтянутый, темноволосый, с легкой щетиной и выразительными чертами лица. Нет, ну правда хорош! Всегда симпатизировала шатенам и щетине. Только вот взгляд напрочь перечеркивает все его достоинства. Смотрит так, как будто я заведомо преступница!

— Командир, гляньте, — переключил его внимание на себя один из сопровождающих. — На полу лежало.

Шатен принял из рук подчиненного знакомый мне холщовый мешочек и принялся.

— Кошачья мята? — с сомнением произнес он, покосившись на старушку.

— Так Мурку свою балую, — охотно сообщила старушка. И снова луп-луп большими глазами.

Будто по заказу, именно в этот момент раздалось отчетливое «мяу!», и в кухню вбежала небольшая худоватая кошка. Принюхалась, еще раз мяукнула и бесцеремонно запрыгнула прямо на стол.

— Так, все, — удостоив ее беглого взгляда, произнес шатен. — Здесь закругляемся. Обоих в отделение. Ведьму пока под арест, с девушкой разберусь сам. И, Сэйр, возьмишь ордер, вернешься сюда для обыска.

После случившегося особой любви к госпоже Ерише я, конечно, тоже не питала, но чтобы представитель правопорядка вот так запросто называл человека ведьмой...

Смутная догадка, родившаяся еще в тот момент, когда я обнаружила свои обновленные уши и хвост, настойчиво лезла в голову, но поверить в нее было страшно. Поэтому я гнала ее прочь, надеясь, что всему еще найдется адекватное объяснение.

Буквально через несколько минут мне предоставилась прекрасная возможность изучить запряженную лошадьми повозку изнутри. Мне предстояло ехать вместе с тремя молодцами, в то время как госпожу Еришу посадили в заднюю часть повозки, которая была зарешечена.

— Как к вам обращаться? — спросила я у шатена, когда повозка тронулась с места.

Его подчиненные молча переглянулись, а он ответил:

— Господин старший зерр.

— Господин старший зерр, — покладисто повторила я. — Будьте любезны, объясните, чего ныне заключенная особа от меня хотела?

Изначально намеревалась спросить совершенно не об этом, но внутреннее чутье подсказывало, что ответ именно на этот вопрос очень важен. Интуиция редко меня подводила, а сейчас вообще казалось, что она обострилась точно так же, как нюх. К слову, только теперь я вспомнила, что, входя в дом госпожи Ериши, как будто в паутину вляпалась. Может, это тоже было своего рода предупреждение от интуиции?

И вот нормальный же вопрос задала: простой и понятный! Спрашивается, почему на меня снова воззрились с вьедливой подозрительностью?

— Хочешь сказать, ты не знаешь? — в свою очередь спросил шатен, не сводя с меня глаз.

— Не припомню, чтобы разрешала мне «тыкать». — Я сложила руки на груди, готовая дать отпор, если это потребуются. — На данный момент никакой вины за мной нет. А даже если бы была, то она еще не доказана. А даже если бы ее доказали, это все равно не давало бы вам права разговаривать со мной в таком тоне. Поэтому, во-первых, прошу обращаться ко мне с элементарной вежливостью. А во-вторых, по возможности отвечать на мои вопросы.

После моих слов в повозке стало тихо. Вот прямо физически ощутимо тихо. Раздавался только цокот копыт и стук колес по мощенной камнем дороге.

Судя по выражению лица, господин старший зерр был... мягко сказать, удивлен. Чем именно, я искренне не понимала — неужели никто прежде не просил его о банальном уважении? Или это только я с первой минуты знакомства удостоилась такого пренебрежительного отношения?

Честно говоря, я почти не сомневалась, что меня сейчас пошлют, и даже приготовилась ответить, но шатен удивил.

— Вы правы, — подчеркнуто вежливо произнес он. — Приношу извинения. Госпожа Ериша, судя по всему, пыталась выкачать вашу силу, отправив ее в накопитель. Из этого следует, что вы тоже обладаете магией, поэтому я и спросил вас о регистрационном номере.

Не знаю, каким чудом мне удалось сохранить лицо, которое так и норовило вытануться. Помешательство одной конкретной старушки еще можно было понять, но шатен выглядел каким угодно, но только не сумасшедшим.

Пока не узнала детали, из которых можно выбрать линию поведения, я решила молчать. Интуиция не подвела, и ответ старшего зерра действительно стал для меня решающим. Догадка, которую я гнала подальше, стала особо настойчивой, и больше отмахиваться от нее не получалось.

За окном проплывал город, которого в привычной реальности существовать просто не могло. Даже в старых европейских городках встречаются хотя бы какие-то элементы современности, а здесь не было даже намека на них. У меня появились уши и хвост, а сидящий напротив мужчина говорил о магии. Конечно, можно было продолжать тешить себя иллюзией на логичное объяснение всему происходящему, но это было глупо и недальновидно. Поэтому пришлось признать: Морегорье, расположенное в Истарском королевстве, действительно су-

ществует. И существует оно отнюдь не в той реальности, в которой я прожила двадцать один год своей жизни.

Здание, у которого остановилась повозка, располагалось на небольшой замкнутой площади, прямо напротив ратуши. Сложенное из того же темно-серого камня, что и большинство здешних домов, оно имело три этажа и было обнесено черным кованым ограждением. При взгляде на него моя чрезмерно активная интуиция подсказала, что лучше бы мне уносить отсюда свой хвост куда подальше. Но сбегать сейчас казалось затеей сомнительной, да и возможности такой не представилось.

У входа наша процессия разделилась: старушку увел конвой, а я потопала вместе со старшим зерром. В коридорах, по которым мы шли, встречались мужчины в такой же серой, только без нашивок, форме. Практически все приветственно кивали моему сопровождающему, а меня удостаивали лишь мимолетных взглядов. В целом сложилось впечатление, что старшего зерра здесь уважают, и не только потому, что он их начальник.

Кабинет, куда мы пришли, свидетельствовал о том, что старший зерр тот еще педант. На его рабочем месте царил безукоризненный порядок. Все документы лежали листок к листку, папки — уголок к уголку, и даже чашка была вымыта и убрана на полочку шкафа, а единственный стоящий на подоконнике цветок — полит.

Зерр сел за письменный стол, предоставив мне место напротив. Стало совсем неудобно, но показывать волнение я не намеревалась.

Соберись, Ритка! И не в такие переплеты доводилось попадать! Хотя нет. Теперешний кошмар, пожалуй, ничто не переплюнет.

— Итак, ваше имя, — опустив подбородок на сцепленные в замок руки, потребовал старший зерр.

— Маргарита Миронова, — расправив плечи, спокойно ответила ему.

Далее меня попросили назвать возраст, адрес проживания и регистрационный номер мага, если таковой имеется. С возрастом проблем, разумеется, не возникло, с адресом тоже, хотя оный заставил старшего зерра удивиться, а вот отсутствие регистрационного номера стало поводом для дополнительных расспросов.

— Вы утверждаете, что не обладаете магией? — посмотрев на меня в упор, спросил шатен и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Послушайте, Маргарита. Ериша — ведьма, нелегально практикующая магию. До сегодняшнего дня ей мастерски удавалось уходить от ответственности, но этим утром она прокололась. Наблюдающий за ее домом зерр заметил, что она привела вас, а потом уловил сильный магический импульс. Силовой накопитель указывает на то, что она хотела выкачать из вас магию — распространенная практика среди нелегалов. Если вы не лжете, то, скорее всего, являетесь непроявленным магом. Ведьма почувствовала в вас силу и решила сыграть на вашей неопытности и неосведомленности. Поэтому я предлагаю следующее. Сейчас наш штатный маг проведет проверку на выявление у вас магической одаренности. Это не займет много времени, а сама процедура безболезненна... почти.

Если говорить вкратце и без изыщств, то мое состояние можно описать одним словом: обалдела. И от количества вываленной на меня информации, и от ее содержания. Да я тут магию как факт принять не могу, а мне пытаются доказать, что я сама ею обладаю! Боже, ну пожалуйста, можно мне ограничиться просто меховыми ушами и хвостом? Хотя бы для начала... а то ведь так и свихнуться недолго.

Собравшись с мыслями, я кивнула:

— Допустим, я пройду вашу *почти* безболезненную проверку. И засвидетельствую нападение госпожи Ериши. Но перед этим вы можете принять мое заявление о похищении и ограблении?

Да, я осознавала, что в родную реальность меня вряд ли вернут. И предполагала, что, возможно, мой случай уникальный или такие вот... попаданки у них в Морегорье гости нежелательные и быстро устранимые. Но решила попытаться извлечь из ситуации какую-никакую пользу. Вдруг все не так плохо и у них здесь потерянным и обокраденным компенсация положена? Тем более что теперь шатен вел себя предельно корректно. Не смотрел с пренебрежением на мою одежду, не позволял тому же пренебрежению проскальзывать в интонации. Все вежливо и по делу.

— Разумеется. — Зерр достал из кипы бумаг чистый бланк. — Заполняйте.

Задавая уточняющие вопросы, я справлялась с заполнением, а мысленно на всякий случай продумывала пути отступле-

ния. Сейчас мое положение было довольно шатким, и чем все обернется — непонятно. Так что я намеревалась разузнать как можно больше, вытянуть из зерра нужную информацию, а потом, в случае чего, сбежать. Но все же рассчитывала, что крайние меры не понадобятся и я получу здесь хоть какую-то помощь.

— Вы уверены, что правильно озвучили местожительство? — в какой-то момент оторвали меня от заполнения бланка.

У-у, дотошный какой...

Может, притвориться, что вообще ничего не помню? А что, вполне себе вариант. Перед тем как ограбить, меня стукнули по голове, и теперь у меня временная амнезия, в голове все перемешалось... ага, а если с такой «травмой» в белые стены отправят?

Я как раз всерьез раздумывала, уж не рискнуть ли мне в самом деле с таким вариантом, когда внезапно раздался звон колокола. Судя по тому, что он был довольно громким, звонили в ратуше.

— Что там еще?.. — негромко пробормотал шатен, приподнимаясь с места.

Тут открылась дверь, и в кабинет стремительно вошел еще один зерр — совсем молодой и зеленый.

— Господин старший зерр, у нас СЧВ, — без промедления сообщил он и зачем-то расшифровал: — Событие чрезвычайной важности.

— Ну? — поторопило его начальство.

— В городе двое мужиков шум подняли. Говорят, в лесу видели... эту...

— Кого? — снова поторопило теперь уже раздраженное промедлением начальство.

Парнишка сотворил смутно знакомый жест, вздрогнул и севшим голосом ответил:

— Ликой.

На то чтобы сложить два и два, у меня ушла пара секунд. Наверное, вот так и чувствуешь себя, когда видишь стремительно надвигающегося к тебе белого пушистого зверька... Да, ко мне приближался песец. Быстро и неотвратимо.

— Ликой? — с сомнением переспросил шатен. — Эти мужики, случайно, горячительного не перебрали? Кто вообще додумался со слов и домыслов сеять панику, звоня в колокол?!

— Так один из них и позвонил, — окончательно разнервничавшись, доложил зерр. — Наши его уже снимать с ратуши пошли...

— Дурдом, — резюмировал господин старший зерр.

Кажется, он собирался что-то добавить, но тут его взгляд остановился на мне и стал задумчивым. С математикой шатен явно дружил, поскольку два и два сложил еще быстрее моего. Точнее, судя по все тому же взгляду, он испытывал серьезные сомнения в своих умозаключениях, и существовал лишь один способ все прояснить.

— Выйди, — не глядя, бросил он подчиненному.

А когда тот ретировался, обратился ко мне:

— Снимите платок.

Песец подобрался совсем близко и потянулся ко мне своими цепкими лапками.

А пути отступления еще не продуманы...

И вот тут передо мной открылись два пути: первый — послушаться и продемонстрировать уши, второй — попытаться проскользнуть мимо и сбежать. Побег казался очень заманчивым, но даже если он удастся, то что делать после? Блуждать по городу, скрываясь от блюстителей правопорядка и ничего не зная о месте, где оказалась? Повторно наступать на те же грабли, что и с пообещавшей «помочь» бабулей, не улыбалось совершенно. Да и от проблем я никогда не бегала, предпочитая встречаться с трудностями лицом к лицу. Поэтому решила рискнуть.

Демонстрируя старшему зерру гетерохромию во всей красе — то есть не сводя с него глаз, я медленно поднесла руки к платку, замерла на короткое мгновение и... решительно его сдернула.

Тут же почувствовала, как дернулись кончики моих расположившихся на макушке ушей, которые потрясенно созерцал господин старший зерр. Seriously, он выглядел настолько шокированным и одновременно потерянным, что на какую-то секунду мне стало даже смешно. Все-таки предполагать и убеждать — вещи совершенно разные.

— И что теперь? — сложив руки на груди, нарушила я наступившую тишину.

Наконец прекратив откровенно пялиться на мои уши, точно подросток, впервые увидевший голую девушку, шатен трях-

нул головой. Осенять себя защитным знаменем не стал — и то хорошо. Надоело себя нечистью какой-то чувствовать...

С ответом господин старший зерр не спешил. Присел на край стола, шумно выдохнул, помолчал и, снова покосившись на мои уши, глухо спросил:

— Хвост тоже есть?

— Штаны снимать не буду! — тут же предупредила я и честно признала: — Есть.

Вновь возникла тишина. Такая, что стали слышны голоса снующих на улице прохожих.

— Позвольте кое-что объяснить, — опустившись обратно на стул, произнесла я. — Даже не знаю, как начать... В общем, я не отсюда, не из этих мест. Не из этих города, королевства и, похоже, мира.

Ну вот я и произнесла это вслух. Даже как-то легче сразу стало.

Я сильно ошибалась, когда думала, что на меня взирали с потрясением до этого. Нет! По-настоящему ошеломленным старший зерр выглядел сейчас, после сделанного мной признания. Бедняга даже побледнел и ослабил воротничок рубашки. Решив, что ему плохо, я плеснула воды из стоящего на столе графина в стакан и подала ему. Похоже, в какой-то момент от меня хотели машинально отшатнуться, но передумали. Сделав несколько глотков, зерр отставил стакан и принялся рыться в нижнем ящике шкафа.

— Должно быть здесь... — негромко проговорил он. — Да, определенно здесь...

Если бы я намеревалась бежать, то лучше момента и не придумать. Но бежать мне все еще было некуда, а звать коллег и сажать меня за решетку зерр не спешил. Ну а то, что вел себя сейчас несколько странно, так это в сравнении с остальным — сущий пустяк.

— Нашел! — наконец возвестил он, шлепнув на стол увесистую папку.

Открыв ее, он впился взглядом в первую страницу, долго ее изучал, а затем поднял взгляд на меня. Посмотрел несколько долгих мгновений и снова уткнулся в папку. Вновь шумно выдохнул и что-то процедил сквозь зубы — кажется, ругательство.

Решив посмотреть, что там такое, я обошла стол, тоже заглянула в злополучную папку — и обомлела. Просто преврати-

лась в извятие! Даже шок зерра не шел ни в какое сравнение с моим, потому что на пожелтевшей от времени бумаге была изображена... я.

Не глядя, дотянулась до графина, придвинула к себе и выпила воды прямо из горлышка. Понадеявшись, что мне на нервной почве показалось, снова глянула на портрет. Нет, не показалось. Это была фотография, только как будто очень старая, плохого качества, с избытком шумов и потертостей. Но, несмотря на это, черты лица сфотографированной девушки были узнаваемы, разве что чуть резче, чем у меня, а смотрела она насмешливо, изучающе, немного свысока. Черные волосы свободно струились по плечам, на макушке торчали такие же черные кошачьи уши, какими я обзавелась нынешним утром. Это было так странно — вроде бы я и не я одновременно.

— Невозможно... — одновременно выдохнули мы с зерром.

— Ты прожила все девять жизней, — ошарашенно посмотрел он на меня. — В последний раз умерла в нашей реальности почти двадцать два года назад, должна была прожить жизнь в ином мире и умереть окончательно... Еще одно перерождение просто невозможно!

Что я там говорила про шок и потрясения?

Чем дальше, тем страшнее...

Даже не заметила, как зерр снова стал говорить мне «ты».

— Что ты несешь? — Как сказала ему «ты» сама, не заметила тоже. — Какие девять жизней? Какие перерождения?!

Это была моя первая реакция — отрицание. Второй стало допущение, что раз уж я признаю существование другого мира и магии, то почему бы не поверить в перерождение душ?

— Простите, — заставила себя извиниться за вспышку. — Я ничего не понимаю. Можете объяснить подробности?

— Ты ничего не помнишь? — В голосе зерра прозвучало сомнение, а затем он повторил, констатируя факт: — Ты не помнишь.

Уже сбилась со счета, сколько раз в нашем разговоре наступала напряженная пауза. Было похоже, что у зерра вопросов ненамного меньше, чем у меня, но это утешало не слишком. С такими новостями в дополнение к песцу нетрудно обзавестись компанией белочки и так посетить белые стены!

— Помню все, что происходило в моем мире, — уточнила я. — Ну то есть... в девятой жизни, если верить вашим словам.

Те, что были до этого, — нет. А вообще, я что, была в Морегорье в каком-то далеком прошлом? Откуда здесь мой портрет?

Учитывая, что мы находились в некоем аналоге следственного отдела и здесь существовало досье на меня — не меня, вряд ли в прошлых жизнях я была пайнкой... Боже, ну ведь это бред какой-то! Как такое возможно?

Старший зерр пожевал губами, явно что-то обдумывая, а затем, прихватив папку, решительно двинулся к двери.

— Идем!

— Куда? — опасливо уточнила я, не спеша идти следом.

— К вышестоящему начальству, — обернувшись, бросил он через плечо. — Будем во всем разбираться.

ГЛАВА 4

«Вышестоящим начальством» оказался мужик преклонных лет, обладающий внушительным пузом и солидным кабинетом. Перед тем как выйти в коридор, я нацепила платок и в кабинет вошла в нем же.

— Норт? — как только мы вошли, обратился пузач к старшему зерру. — Хорошо, что зашел, я уже хотел тебя вызвать. До меня тут слухи дошли, что у нас в лесу ликой видели. Сплетни, конечно, но для проформы проверить нужно. А то народ у нас темный, только дай повод панику поднять... Кто это с тобой?

Последний вопрос сопровождался кивком в мою сторону. И взглядом, выражающим набившее оскомину пренебрежение. Видно, поговорка «встречают по одежке» работает во всех мирах.

Старший зерр коротко мне кивнул, и я, решив, что отступить все равно поздно, стянула многострадальный платок. Причем снимала его с каким-то необъяснимым удовольствием, медленно, неотрывно наблюдая, как меняется лицо развалившегося в кресле мужика. На отсутствие внимания от противоположного пола я не жаловалась, но никогда не сражала своим видом наповал! А всего-то и стоило, что обзавестись меховыми ушами, и вот, пожалуйста — уже который по счету в обморок едва не бухается...

— Да чтоб я сдох... — округлив глаза, выдохнул начальник. — Акира?

— Да чтоб вам жить и здравствовать, потому что я — Маргарита, — возразила ему.

Подавшись вперед, он вглядывался в мое лицо несколько долгих секунд, а потом внезапно подскочил на ноги и выкрикнул:

— Черт знает что, Акира! Ты же умерла! Окончательно умерла!

И, резко переменившись в лице, зачастил:

— Надеюсь, ты понимаешь, что в тот раз я сделал все, что мог... но казнь была делом решенным, я уже не мог ни на что повлиять... Ты ведь не собираешься мстить? Не для того снова переродилась, да?.. Все кары на мою бедную голову, как у тебя получилось вернуться?!

На некоторое время опешив, я обменялась взглядами со старшим зерром, в глазах которого тоже читалось непонимание. А затем взяла себя в руки, сконцентрировалась и из всей тирады вычленила суть.

— Как вы сказали? — Наверное, в моем голосе отразилось нечто зловещее, потому что раскрасневшийся пузач отступил на шаг. — Казнь? Моя восьмая жизнь прервалась, потому что меня казнили?

Час от часу не легче!

Но реакция начальника мне понравилась. Если прежде я думала, что ликой здесь боятся из-за суеверий, то теперь закралось подозрение, что дело не только в них. Если уж глава местных правоохранительных органов так от меня шарахается, значит, я и в правду что-то могу? Точнее, могла.

— Она ничего не помнит, — пояснил за меня старший зерр. — Кроме последней жизни, которую провела по другую грань.

Начальник медленно опустил обратно в кресло, не сводя с меня растерянно-ошарашенного взгляда.

Не дожидаясь приглашения, я подошла к его рабочему месту, расположилась напротив и, угрожающе подавшись вперед, потребовала:

— Немедленно рассказывайте все, что знаете о моем прошлом. Или я за себя не отвечаю и разнесу здесь все к кошачьей бабушке!

Это был блеф. Наглый и импульсивный блеф, сопровождающийся внутренним напряжением и нарастающим волнением. Мне требовалось узнать подробности, а ввиду отсутст-

вия у меня воспоминаний важные факты могли от меня утаить или вообще переиначить. Поэтому требовалось действовать напористо, играя на чужом страхе, и быть при этом очень убедительной.

Похоже, актерский факультет плачет не только по госпоже Ерише, но и по мне, потому что пузач проникся. В искусстве уничтожения взглядом я преуспела уже давно, и сейчас оно сыграло мне на руку. Бедняга даже вспотел и, достав из кармашка рубашки платочек, промокнул им лоб и лысину.

Даже забавно — такой важный дядька трясется перед какой-то девчонкой с хвостом...

Норт тем временем придвинул к столу еще один стул и, сев на него, обратил на начальника внимательный взгляд.

— Ты приехал к нам десять лет спустя, поэтому не знаешь, — теперь уже избегая прямо на меня смотреть, проговорил начальник, обращаясь к старшему зерру.

— Я видел ее дело, когда разбирал документы, — произнес Норт. — Изучал его, к тому же слухи еще долго ходили, поэтому кое-что все-таки знаю.

— Вы долго будете говорить обо мне в третьем лице? — напомнила я о своем присутствии. — Я все еще жду ответов.

Судя по виду, пузач лучше пробежал бы десяток километров, чего в жизни своей явно не делал, чем стал бы мне что-то объяснять. Но, видимо, Акира... в смысле, прежняя я здесь имела действительно устрашающую репутацию, поскольку игнорировать меня он не стал.

— Госпожа ликой, — произнес со всем уважением, — предлагаю вам лично ознакомиться с материалами, которые очень кстати захватил с собой старший зерр. Слова бывают пусты, а бумаги — это факты.

Замечание было справедливым, и я, приняв из рук Норта папку, принялась внимательно изучать ее содержимое. Как оказалось, здесь на меня собрали целое досье. Если верить написанному, я прожила в Морегорье аж целых тридцать лет. За оный срок Акира (все-таки решила нас пока разделять, так было проще) умудрилась стать настоящим врагом народа, вызывающим ужас одним упоминанием своего имени.

Опять же, если верить написанному, Акира за свою жизнь преступила закон более ста раз, ей неоднократно предъявлялись обвинения в запугиваниях, нелегальной торговле эликси-

рами, нанесении ущерба бесчисленному количеству общественных заведений и, как вишенка на торте, массовом убийстве.

— Что?! — Прочитав об убийстве, я едва не подскочила. — Массовое убийство с особой жестокостью? Она... в смысле я не могла такого сделать! Это ошибка!

— Ну... — протянул начальник. — Вы и в то время не сознавались в содеянном. Твердили, что вас подставили, но все факты говорили об обратном.

— Меня за это казнили? — уточнила я.

Он кивнул:

— Видите ли, госпожа ликой... вас не только казнили, но при этом еще и провели соответствующий ритуал, чтобы вы в последний раз переродились в параллельной реальности и там же обрели свое вечное пристанище. Вы и так исчерпали все свои перерождения, а уж после такого...

— Тем не менее я здесь, — прищурившись, перебила я. — И, полагаю, раз за свои прошлые прегрешения я уже сполна рассчиталась, умерев, то теперь свободна от всех обвинений?

Пузач нервно кашлянул.

— Ну, в общем-то... пожалуй, что да.

— Чудно, — тщательно подавляя мысли о том, что, возможно, натворила в предыдущих жизнях, я сосредоточилась на настоящем. — Тогда у меня имеются другие вопросы. Начнем с того, где я жила в Морегорье. У меня был дом?

Кажется, резкой сменой темы я поставила мужчин в тупик. Они молча переглянулись, после чего вместе на меня воззрились. Норт, судя по виду, так и вовсе не понимал, как я могу быть такой спокойной после всего, что узнала.

Ну а я... что я? Да мне биться в истерике хотелось! Но толку-то? При всем том, что мне уже довелось узнать, я все равно никак не могла поверить, что уже жила не один раз. В то, что была убийцей, — тем более. Особенно если учесть, что я и в прошлой жизни настаивала на своей невиновности. Но даже если вдруг этот кошмар — правда, то это была не я. Не та я, которая существовала сейчас. Я не убийца! Может, нелегальным бизнесом и смогла бы заниматься, но только не убивать! Господи, да меня угрызания совести даже за вынужденно позаимствованную одежду съели!

Но обо всем этом можно подумать и позднее. Как и разобратся в том, что случилось двадцать два года назад. А сейчас

необходимо как-то устроиться в этом мире и начать хотя бы с крыши над головой.

— Дом был, — немного помявшись, подтвердил начальник. — Вот только...

— Сперва его конфисковали, — продолжил Норт. — Потом горожане объединились и решили его сжечь. Поджог закончился успехом для них и полным поражением для дома.

Настроение стремительно портилось. А когда у меня портится настроение, я становлюсь злой и вредной — никакие морегорские ведьмы не сравнятся!

— Сожгли, значит... — задумчиво проговорила я. — Дотла сожгли?

— Не совсем, — ответил начальник. — Внутри дом выгорел, снаружи еще вполне ничего... Мастерская целой осталась, огонь не брал ее почему-то — тогда еще все этому удивлялись.

— Что за мастерская? — поинтересовалась я.

— Так эликсиры вы там варили, народ спаивали, прости Всевышний, — поморщился начальник. — Головная боль была похлеще, чем от ведьмы какой... Всякую экспериментальную дрянь продавали! «Дрянь» давно изъяли и уничтожили, а мастерская с того времени так и пустует.

Нет, это определенно не могла быть я... или могла?

Так, все! Решила ведь: самокопанием и разбирательством буду заниматься позже!

— Я могу туда вернуться?

Начальник поперхнулся, старший зерр выразительно хмыкнул.

— Разумеется, чтобы некоторое время там пожить, а не варить какие-то эликсиры, — верно истолковав их реакцию, уточнила я. — Мне ведь жить теперь совсем негде...

Последнюю фразу так и подмывало сопроводить умильной моськой кота из «Шрека», что с моими ушами должно было получиться отлично. Но тактику пока все-таки решила не менять. Воспринимают меня как вселенское зло, вот пусть пока так и будет. Глядишь, и вытряхну из них для себя что-то полезное.

— Хорошо, — спустя короткую паузу согласился начальник. — Вы можете занять мастерскую, но с тем условием, что к вам каждый день будет приходить проверка, дабы убедиться, что вы не взялись за старое. Норт?

— Прослежу, — кивнул тот.